

На царском троне, затмевавшем блеск
Сокровищниц Индийских и Ормузских
И расточительных восточных стран,
Что осыпали варварских владык
Алмазами и перлами, сидел
Всех выше Сатана, он вознесен
На пагубную эту высоту
Заслугами своими, вновь обрел
Величие, воспрянув из глубин
Отчаянья, но ненасытный Дух,
Достигнутым гнушаясь, жаждет вновь
Сразиться с Небом; опыт позабыв
Печальный, дерзновенные мечты
Так возвещает: "Божества Небес!
О Власти и Господства! Ни одна
Тюрьма не может мощь навек замкнуть
Бессмертную! Пусть мы побеждены,
Низвергнуты, и все же Небеса
Утраченными почитать не должно,
И силы вековечные, восстав
Из этой бездны, явятся вдвойне
Увенчанными славой и грозней,
Чем до паденья, твердость обретут,
Повторного разгрома не страшась.
По праву и закону Высших Сфер
Главенствуя, всеобщим утвержден
Избраньем, я отличьями в боях
И совещаньях трон мой заслужил.
Он бедствиями закреплен за мной,
Дарованный мне вами добровольно,
И незавидный. В Небе высший ранг
С почетом высшим сопряжен, питать
К нему возможно зависть; но Вождю,
Чье старшинство служить ему велит."

Щитом для вас и ставит в первый ряд
Противу Громовержца, наградив
Наигорчайшей долей вечных мук,
Кто позавидует? Где выгод нет
Желанных, там отсутствует раздор.
Никто не жаждет первенства в Аду,
Никто свои страданья не сочтет
Столь малыми, чтоб добиваться больших
Из честолюбья; потому союз
Теснее наш, согласие прочней,
Надежней верность, чем на Небесах.
При этом перевесе мы вернем
Наследье наше. Именно в беде
Рассчитывать мы вправе на успех,
Нас в счастье обманувший. Но какой
Избрать нам путь? Открытую войну
Иль тайную? Вот основной вопрос.
Обдумавший ответ пусть говорит!"

Едва он смолк, державный царь Молох
Поднялся изо всех бунтовщиков
Сильнейший и свирепейший, сугубо
Взбешенный пораженьем. Он себя
Мнил силой богоравной и скорей
Согласен был бы не существовать,
Чем стать слабей. Надежду потеряв
На равенство, утратил с нею страх,
Геенну и Предвечного презрел
И нечто - хуже Ада, так воззвал:

"Стою за бой открытый! Не хвалюсь
Коварством. Козни строить не мастак.
Вольно хитрить, когда охота есть
И время. Не до хитрецов сейчас,
Они, рассевшись, будут сеть плести
Уловов, а несметные ряды
Воинственных изгнанников Небес
Неужто прозябать обречены
В ярме постыдном, в вечной тьме тюрьмы
Тирана, царствующего затем,
Что мы бездействуем? Нет! Ополчась
Огнями Ада, яростью борьбы,
Неодолимо все проложим путь
К высоким башням Неба; обратим
В оружие грозное снаряды пыток:
Пусть на Его всесильный гром в ответ
Гремит Геенна! Против молний мы
На Ангелов Его извергнем смрад
И черный пламень с той же силой, Божий
Престол зальем чудовищным огнем
И серой Пекла тем, что Он для нас
Назначил. Но, быть может, смелый план
Вам не в подъем и даже мысль страшна
О взлете на такую крутизну
И штурме неприступных вражьих стен?
Но осознайте, ежели прошло
Оцепененье от снотворных вод,
Испитых вами в озере забвенья,
Что наша суть природная, состав
Эфирный нас влечет в родную высь.
Паденье Ангельскому естеству
Несвойственно. Когда жестокий Враг
Висел над арьергардом наших войск
Разбитых и, глумясь, в пучину гнал,
Кто не восчувствовал: как тяжело,
Как трудно опускали нас крыла
В провалы Хаоса, зато взлетим
Свободно. Вы боитесь? Если гнев
Могучего Противника опять
Мы вызовем и Он, ожесточась,
Измыслит средства, гибельней стократ,
Чтоб нас добить, чего страшиться здесь,
В Геенне огненной? Что может быть
Прискорбней, чем, утратив благодать,
Терпеть мученья, в бездне пресмыкаться,
Где негасимый пламень вечно жжет
Рабов безжалостного Палача,
Склоняющих угодливо хребты
Под пыткой, под карающим бичом?
А если Он замучит нас вконец,
Мы уничтожимся, исчезнем вовсе.
Чего тогда бояться? Почему
Мы жмемся и Тирана разъярить
Колеблемся? Свирепо нашу плоть
Эфирную Он обратит в ничто;
Но разве, перестав существовать,
Мы счастливей не будем? Разве впрок
Бессмертье истязуемым рабам?
Но если Ангельское бытие
Пресечь нельзя и наше естество
Божественно воистину, тогда
И в худшем случае для страха нет
Основы. Прежний опыт подтвердил,
Что Небо мы способны сотрясти,

Вторгаясь непрерывно, и Престол,
Хотя и неприступный, и самой
Судьбою предназначенный Царю
Небесному, тревожить. Пусть победа
Немыслима, зато возможна месть!"

Он кончил, сдвинув брови, жгучий взор
Взывал к отплате, к битве, что богам
Одним под силу. Тут, насупротив,
Поднялся Велиал, он кротким был
И человеческим внешне, изо всех
Прекраснейшим, которых Небеса
Утратили, и с виду сотворен
Для высшей славы и достойных дел,
Но лжив и пуст, хоть речь его сладка,
Подобно манне, ловкий словоблудец
За правду выдать мог любую ложь,
Мог исказить любой совет благой,
Столь мысли изменны его. Во зле
Искусный, он ленив и празден был
В деяньях чести, но, умея слух
Пленять, красноречиво молвил так:

"О Духи! Я стоял бы за войну
Открытую и ненависть моя
Не меньше вашей. Но призыв к борьбе
Немедленной меня разубедил
Особенно, надежду на успех
Сомнением зловещим омрачив.
Возможно ли? Храбрец из храбрецов,
Испытаннейший в битвах паладин,
Совету собственному и мечу
Не доверяя, мужество свое
Исчезновеньем хочет утвердить,
Небытием, отчаяньем, достичь
Ничтожества, жестоко отомстив!
Но о какой здесь мести речь идет?
Небесные твердыни под охраной
Вооруженной стражи, их не взять.
Отряды часто разбивают стан
У края Бездны, с этих рубежей
Дозорные летят на темных крыльях
В просторы царства Ночи, не страшась
Возможных стычек с нами. Если мы,
Пробив дорогу силой, за собой
Весь Тартар увлечем, чтоб свет Небес
Затмить, Великий Враг наш сохранит
Престол и впредь незыблемым, эфир
Пречистый омрачить нельзя ничем,
Он без труда развеет пламя Ада.
Недолгим будет наше торжество!
Побеждены повторно, мы впадем
В бессильное отчаянье, предел
Надежды нашей, вынудим Царя
Победоносного излить сполна
Свой гнев и вовсе уничтожить нас.
И в том спасенье? Скорбное, увы!
Кто согласился бы средь горших мук,
Терпя стократ несноснейшую боль,
Мышление утратить, променять
Сознание, способное постичь,
Измерить вечность, на небытие,
Не двигаться, не чувствовать, уйти
В несозданную Ночь и сгинуть в ней,

В ее безмерном чреве? Если ж лучше
Исчезнуть нам кто вправе утверждать,
Посильно и желанно ли Врагу
Покончить с нами раз и навсегда?
Сомнительно, чтоб Духов истребить
Он в силах был, но уж наверняка
Того не возжелает! Неужели
Всеярящий стрелы гнева истощит
Мгновенно, по беспечности своей
И слабости, несдержанно вспыхив,
На пользу нам поступит невзначай,
И жертвы, предназначенные Им
Для вечной кары, уничтожит сразу?
"Чего мы ждем? сторонники войны
Взывают. Мы обречены на казнь
Бессрочную, проступок новый наш
Ее не усугубит, пыток нет
Жесточе!" Но спокойно мы сидим
И при оружьи, держим наш совет,
Но это ль наихудшая беда?
Когда, преследуемые Врагом
Ожесточенным, падали в провал
Стремглав под сокрушительной грозой
Разящих молний, жалостно моля
Спасения у бездны и в Аду
Ища убежища, когда в цепях,
На серном озере, стенали мы,
Не хуже ль было? Если дуновенье,
Что эти горны страшные зажгло,
В семь раз мощней раздует, распалит
Для нас предуготованный огонь,
И притаившееся в вышине
Возмездье длань багровую опять
Вооружит, чтоб пуще нас терзать,
И хляби ярости Господней вновь
Отверзятся, и хлынет пламепад
С Гееннских сводов, жгучий, жидкий жупел,
Обрушиться готовый каждый миг
На наши головы, и что тогда?
Пока мы рассуждаем о войне
Победной, нас внезапный ураган
Огнепаляющий может разметать
По скалам и к уступам пригвоздить
На поношенья вихрям или вдруг
Закованных, беспомощных швырнуть
На дно клокочущего моря, там
Терзаться будем мы обречены
Без меры, без надежды на пощаду,
На милость, - неисчетные века.
Тогда нам будет злее, чем теперь!
Вот почему противлюсь я равно
Открытой ли войне, иль потайной.
Ни хитростью, ни силой с Ним ничем
Не совладать. Кто может обмануть
Всевидящее Око? И сейчас
Он, с высоты, провидит нас насквозь,
Над жалкими стремленьями смеясь,
Настолько всемогущий, чтоб разбить
Противников, настолько же премудрый,
Чтоб замыслы развеять хитрецов.
Неужто, Дети Неба, мы навек
Унижены и попраны? Ужель
Мы изгнаны, обречены в Аду
В цепях бессрочно маяться? Увы,

По-моему, разумней нам сносить
Страданья нынешние, чем навлечь
Намного худшие. Неодолим
Нас тяготящий, горестный удел.
Так неизбежный Рок определил
И воля Одержавшего победу.
В страданиях и деяниях нам дана
Одна и та же мера, прав закон,
Сие установивший. Были б мы
Благоразумней, загодя обмыслив
Сомнительный исход борьбы с таким
Противником. Смешон мне удалец,
Пред боем дерзкий, но, едва лишь меч
Ему изменит в битве роковой, -
Трепещущий последствий. пытки, плен,
Позор, изгнание все его страшит,
Что Победитель бы ни присудил.
Но это наша доля, претерпеть
Ее повинны мы. Быть может, гнев
Противника высокого пройдет
Со временем, мы так удалены,
Что ежели Его не раздражить,
Оставит нас в покое, обойдясь
Теперешним возмездьем, жгучий жар,
Не раздуваемый Его дыханьем,
Пожалуй, ослабеет, наш состав
Эфирно-чистый переборет смрад
Тлетворный, или с ним освоясь, мы
Зловония не будем ощущать.
Мы можем измениться, наконец,
Так приспособиться, что здешний жар
Для нас безвредным станет и легко
Переносимым, без малейших мук.
Минует ужас нынешний и тьма
Когданибудь рассеется! Никто
Не ведает: Какие судьбы нам,
Какие перемены и надежды
Течение грядущих дней сулит.
Прискорбна участь наша, но еще
Не самая печальная, почесть
Ее счастливой можно, и она
Не станет горше, если на себя
Мы сами злейших бед не навлечем!"

Так, якобы разумно, Велиал
Не мир трусливый предлагал застой,
Постыдное бездействие. Маммон
За ним взял слово: "Если мы решим
Начать войну, позволено спросить:
С каким расчетом? Низложить Царя
Небес иль воротить свои права?
Успех возможен, лишь когда Судьбой
Извечной будет править шаткий Случай,
А Хаос их великий спор судить.
На низложение тщетно уповать,
А посему и возвращенье прав
Недостижимо. Так чего же мы
Достигнем в Небесах, не обрета
Победы? Предположим, Царь Небес,
Смягчась, помилованье даровав,
Заставит нас вторично присягнуть
Ему в покорстве, как же мы стоять
Уничженно будем перед Ним
И прославлять Закон Его и Трон,

Его Божественности петь хвалы,
Притворно аллилуй, подчинясь
Насилию, завистливо смотреть,
Как властно восседает наш Монарх
На Троне и душистые цветы
С амврозией пред Алтарем Его
Благоухают, наши подношенья
Хояопские! И в этом наша часть
На Небе и блаженство: вечный срок
Владыке ненавистному служить.
Нет худшей доли! Так зачем желать
Того, чего вам силой не достичь,
А как подачку сами не возьмем?
Зачем позолоченной кабалы
Нам добиваться даже в Небесах?
В себе поищем блага. Станем жить
По своему и для самих себя,
Привольно, независимо, пускай
В глубинах Преисподней. Никому
Отчета не давая, предпочтем
Свободы бремя легкому ярму
Прикрашенного раболепства. Здесь
Воистину возвысимся, творя
Великое из малого. Мы вред
На пользу обернем, из бед и зод
Составим счастье. Муки отстрадав,
Преодолеем кару и в Аду,
При помощи терпенья и труда,
К покою, к благоденствию придем.
Страшит вас этот мрачный, мгlistый мир?
Но часто окружает Свой Престол
Всевышний Царь клубами облаков
Густых и сумрачных, не умаляя
Монаршей славы, но величьем тьмы
Ее венчая и тогда гремят
В угрюмых тучах громы, испытывая
Свое остервененье, Небеса
Геенне уподобив. Разве мы
Не можем перенять небесный свет,
Как Победитель наш Гееннекий мрак?
Сокровищ вдоволь здешняя юдоль,
И золота, и дорогих камней,
Таит в себе; достанет и у нас
Уменья претворить их в чудеса
Великолепия, на большой блеск
И Небо не способно. Между тем
Страдание стихией нашей станет,
А ныне жгущий, нестерпимый зной
Приятным, обратится наш состав
В его состав, мы с болью породнись,
Ее не будем вовсе ощущать.
И так, все доводы за мир, за прочный
Правопорядок. Должно обсудить,
Как нам спастись от настоящих бед,
Но сообразно с тем: Кто мы теперь,
И где находимся, оставив мысль
О мести, о войне. Вот мой совет.
По сборищу, едва Маммон умолк,
Пронесся ропот, словно из пещер
В утесах вырвался плененный гул
Порывов шторма, что вздымал всю ночь
Морскую глубь и лишь к зачину дня
Охриплым посвистом навеял сов
Матросам истомленным, чей баркас

В скалистой бухте после бури стал
На якорь. Так собранье зашумело,
Рукоплеща Маммону. Всем пришлось
По нраву предложенье мир хранить.
Геенны горше демонов страшил
Второй, подобный первому, поход.
Меч Михаила и Небесный гром
Внушали ужас. Духов привлекло
Одно желанье: основать в Аду
Империю, которая с веками,
При мудром управленьи и труде,
Могла бы Небесам противостоять.
Постигнув эти мысли, Вельзевул,
Главнейший рангом после Сатаны,
Вознесся властно, взором зад обвел;
Казалось, поднялся опорный столп
Державы Адской: на его челе,
О благе общем запечатлены
Заботы, строгие черты лица
Являли мудрость княжескую, он
И падший был велик. Его плеча
Атланта бремена обширных царств
Могли б снести. Он взглядом повелел
Собранью замолчать и начал речь
Средь полной тишины, ненарушимой,
Как ночь, как воздух в знойный летний день.

"Престолы, Власти, воинство Небес,
Сыны эфира! Или мы должны
Лишиться наших званий и наречь
Себя Князьями Ада? Видно, так.
Вы все за то, чтобы в Аду осесть
И государство мощное создать,
В мечтах, конечно, ибо Царь Небес
Уздилище нам уготовал в бездне,
А не приют, куда не досягнет
Его рука, где неподвластны мы
Небесному Верховному суду,
Где против Трона горнего ковать
Крамолу сможем вновь; наоборот!
Он в ссылку нас отправил, чтоб в ярме
Томить неотвратимом, в кандалах,
На каторге бессрочной, как рабов.
Поверьте: наверху или внизу,
Он первый и последний Государь,
Единый Самодержец, наш мятеж
Его владений не приуменьшил,
Напротив Ад прибавил. Будет впредь
Он здесь железным нас пасти жезлом,
Как прежде пае на Небе золотым.
О мире и войне к чему наш спор?
Однажды мы, решившись на войну,
Все потеряли. Мира не просил
Никто, да и никто не предлагал.
Какого мира вправе ждать рабы
Плененные? Оковы, да тюрьма,
Да кары произвольные. А мы
Что в силах предложить? Одну вражду,
И ненависть, и яростный отпор,
И месть, хоть медленную, но зато
Неутомимо ищущую средств
Убавить Триумфатору плоды
Его побед и радость отравить
От созерцанья наших мук. Найдем

Возможностей немало для борьбы
Помимо новой, губельной войны
И штурма неприятельских валов,
Которым ни осада не страшна,
Ни приступы, ни адовы набег.
Нельзя ли что полегче предпринять?
Есть место некое (когда молва,
Издравле сущая на Небесах,
Неложно прорицает), мир другой,
Счастлиное жилище существа,
Прозваньем Человек, он должен быть
Примерно в это время сотворен
И сходен с нами, хоть не столь могущ
И совершенен, и превыше всех
Созданий Тем, кто правит в Эмпирее,
Возлюблен. Так Господь провозгласил
В кругу богов, обетом подтвердив
И клятвою, потрясшей Небеса.
Туда направим помыслы, узнаем,
Что это за творенья, из какой
Субстанции и чем одарены,
В чем сила их и слабость, как верней
Их совратить, употребив обман
Иль принужденье. Путь на Небеса
Нам прегражден, Властитель там царит,
Уверенный в могуществе своем
Незыблемом. Быть может, новый мир
Находится на крайнем рубеже
Владений царских и его охрана
Поручена насельникам самим.
Здесь, может быть, удастся учинить
Нам кое-что: огнем пекельным сжечь
Мир новозданный или завладеть
Им нераздельно, жителей изгнав
Бессильных, как с Небес изгнали нас.
А если не изгоним, - привлечем
На нашу сторону, тогда их Бог
Врагом их станет, гневною рукой,
В раскаянье, свои же истребит
Созданья. Мы простое превзойдем
Отмщение, блаженство умалив,
Которое испытывает Он
От бедствий ваших и к тому еще
Возрадуемся от Его смущенья,
Когда увидит Он любимых чад,
Стремглав летящих в Ад, чтоб разделить
Мученья наши, и клянущих день
Рожденья своего, в слезах, в тоске
О кратком счастье, сгинувшим навек"
Подумайте: не стоит ли дерзнуть
Попыткой, нежели коснеть во тьме
И призрачные царства учреждать!"
Так Вельзевул свой дьявольский совет
Отстаивал, предложенный вчерне
В начале совещанья Сатаной.
Но кто ж иной, как зачинатель Зла,
Столь темные дела измыслить мог:
В зачатке погубить весь род людской,
Смешать и Ад и Землю воедино
И славу Вседержителя попать?
Но прославленью вящему Творца
Их заговор коварный послужил.

Собор Гееннский воодушевлен

Отважным предложением, в глазах
Блеснула радость. Голосуют все
За дерзкий этот план и Вельзевул,
При общем одобренье, продолжал:
"Синод богов! Судили мудро вы
И мудро завершили долгий спор,
Под стать величию вашему, приняв
Решение великое, оно
Судьбе наперекор, подымет нас
Из бездны адской ближе в вышине
Былой и нам удастся, может быть,
К пределам лучезарным вознесясь,
Ворваться в Небо, с помощью оружия
Союзного, не то сыскать приют
В благоприятной области иной,
Где свет небес прекрасный озарять
Нас ежедневно станет, где восток
Сияющий рассеет мрачность эту,
И благовонный воздух, как бальзам
Живительный, ожоги исцелит
От едкого огня. Кого же мы
Пошлем разведать новозданный мир?
Кто с этим справится? Какой смельчак
Стопой скитальческой измерит бездну
Неизмеримую, отыщет путь
В пространстве, без начала и конца,
В тьме осязаемой? Кого из нас
Над пропастью вселенской удержать
Возмогут неустанные крыла
И взмах за взмахом, продолжая лет,
В счастливый край гонца перенесут?
Какая опытность, какая мощь
Ему потребны? Как минует он
Густую сеть отрядов и застав
Охраны Ангельской вокруг Небес?
Здесь надо осторожность проявить
Особую; не меньшую и нам
При выборе посланца, ведь ему
Вверяем нашу общую судьбу
С последнею надеждой заодно".
Он, кончив, сел, пылливый взгляд вперил
В собрание: оспорят смелый план,
Одобрят ли? Отважится ли кто
На дерзкую попытку? Все молчат,
Обдумывая, взвешивают риск,
И с удивленьем каждый на лице
Другого тот же видит страх, что сам
Испытывает. Не нашлось героя,
Средь первых удальцов Небесных битв,
Который вызвался бы этот путь
Ужасный в одиночку одолеть.
Тут Сатана, венчанный в этот миг
Неоспоримой славой выше всех,
В сознание превосходства своего
И с царственным величьем произнес:

"Престолы эмпирейские. Сыны
Небес! По праву приутихли мы,
Не страх, но спасенье нас гнетет
По праву. Долог путь, безмерно тяжек,
От Преисподней к свету. Нерушим
Застенок наш, огнепалящий свод,
Готовый жадно каждого пожрать,
Девятикратно окружает нас.

Врата из адаманта наверху
Надежно замкнуты, раскалены,
И всякий выход ими прегражден.
Тому, кто миновал бы их, грозит
Ночь невещественная, пустота
Зияющая; бездна, где смельчак,
Решившийся пучину пересечь,
Исчезнуть вовсе может, без следа.
А если в некий мир он прилетит
Сохранно, в чуждый край, что ждет его?
Опасности, которые нельзя
Предвидеть, коих трудно избежать.
Но этого престола, о Князя,
Достоин бы я не был, царский сан,
Что с властью и величьем сопряжен,
Не по заслугам бы стяжал, когда
Преграды и опасности меня
Могли бы от попытки удержать
Исполнить нечто, признанное здесь,
Для блага общего, необходимым.
Приняв престол монарший и права,
Неужто я, от сопричастных им
Опасностей и славы откажусь?
И то и это надлежит равно
Властителю, чем выше он стоит,
Тем больший воздают ему почет,
Тем чаще испытанья, тем сложнее
Задачи, предстоящие Вождю.
Вы, Силы мощные, гроза Небес,
Хоть вы низвергнуты, займитесь домом,
Ведь здесь ваш дом на время. Вы должны
Умерить злополучье, сделать Ад
Отчасти выносимым, если есть
Такое средство или волшебство,
Способное ослабить, облегчить
Невзгоды Преисподней; за Врагом
Бессонным надо зорко наблюдать.
А я пушусь в полет, за берега
Бесформенного мрака, чтобы всех
Освободить. Попытку предприиму
Один; опасный этот шаг никто
Со мною не разделит!" Кончив речь,
Монарх поднялся, наложив запрет
На возраженья. Мудро он судил,
Что, ободренные его примером,
Другие полководцы захотят
Участвовать (предусмотрев отказ)
В том, что недавно так страшило их,
И с помощью отваги показной,
Возвысившись в глазах собранья, стать
Его соперниками, без труда
Честь раздобыть, которую ценой
Геройских дел он должен обрести.
Но голос повелительный Вождя
Не меньше предприятия самого
Внушает ужас. Шумно все встают,
Последуя Владыке, словно гром
Раскатисто вдали пророкотал.
Почтительно склонясь пред Сатаной,
В нем Бога величают, приравняв
Царю Небес, благодарят за то,
Что он собою жертвовать готов
Для блага общего. Не до конца
Заглохли добродетели у Духов

Отверженных, к стыду людей дурных,
Кичащихся прекрасными на вид
Поступками, внушенными гордыней,
И под личиной рвения к добру, -
Тщеславной суетностью. После всех
Сомнений, совещаться перестав,
Провозглашают славу Духи тьмы
Властителю единственному. Так,
Лишь только ветер северный уснет,
Клубясь, густые тучи с гребней гор
Ползут, замглив приветный небосклон.
Угрюмая стихия сыплет снег
На землю смутную, дожди струит,
Но солнце, ввечеру, лучом прощальным
Сквозь тучи улыбнется, и поля
Внезапно воскресают, стаи птах
Щебечут, блеют весело гурты,
Холмы и доли оглашая вновь.
О, срам людской! Согласие царит
Меж бесов проклятых, но человек,
Сознаньем обладающая тварь,
Чинит раздор с подобными себе;
Хотя на милосердие Небес
Надеяться он вправе и завет
Господний знает: вечный мир хранить,
Живет он в ненависти и вражде,
Опустошают Землю племена
Безжалостными войнами, неся
Друг другу истребленье, будто нет
(Что, собственно, сплотить бы всех должно)
У них врагов Гееннских, день и ночь
Готовящих погибель для людей.

Собор Стигийский завершен. В порядке
Расходится блистательная знать
Бесовская, меж ними Властелин
Их наивысший, излучая мощь,
Надменно шествует, казалось, он
Способен сам противостать Творцу,
Один, как самодержца грозный сан
В Аду ни с кем не делит, окружив,
Из подражанья Богу, выход свой
Великолепьем царским и кольцом
Горящих Серафимов, при оружье
И с множеством хоругвей. Дан приказ
Немедля объявить, под гром фанфар,
О принятом решении и конце
Совета. Приложив металл к устам,
На все четыре стороны трубят
Четыре Херувима, вторят им
Герольдов голоса и далеко,
По всем провалам бездны, эта весть
Разносится, несметные войска
Восторженно приветствуют ее.
Затем, уже спокойней, ободрясь
Надеждой ложной, Адские полки
Неспешно расстаются, их пути
Различны: каждый следует, куда
Наклонности влекут и грустный выбор,
Где мнит найти покой от хмурых дум
И тягостное время скоротать
До возвращенья Сатаны. Одни
Среди равнин, другие в вышине,
Летают, соревнуясь меж собой,

И в беге спорят, как во времена
Пифийских игр и Олимпийских. Здесь
Увлечены ристаньем колесниц,
Там укрощают огненных коней,
А тут - в шеренги строятся опять.
На небосклоне так порой встают
Видения: две рати в облаках,
Вещающая войны гордым городам,
Сражаются. В побоище сперва
Вступают, с копьями наперевес,
Наездники воздушные, потом,
Перемешавшись в рукопашной схватке,
Когорты рубятся, вся твердь в огне
От яркого сверкания клинков.
Иные Духи, как Тифон, взъярившись,
Раскалывают горы, скалы в прах
Крушат и мчатся, вихри оседлав,
И Аду тяжело дикую гоньбу
Снести. Так, победительный Алкид
Эхалию покинул и покров
Отравленный на тело возложил;
Несносную испытывая боль,
Он сосны Фессалийские, в пылу
Неистовства, с корнями вырывал
И в море, в глубину Эвбейских вод,
С вершины Эты, Лихаса швырнул.
Иные, кротче нравом, обрели
Приют в затишном доле, там поют
Распевом Ангельским, под звуки арф,
О подвигах былых, о той беде,
Что их постигла, и клянут судьбу,
Поработившую свободный дух
Случайностью и силою. Хотя
Пристрастны песни эти, но такой
Гармонией пленительной полны
(Но разве может по-другому хор
Бессмертных петь?), что даже Ад умолк
И слушателям не мешал внимать
Восторженным. Другие, в стороне,
Облюбовали для беседы холм
(Умам - витийство, музыка сердцам
Отрадны), там раздумьям предались,
Высоким помыслам: о Провиденье,
Провиденье, о воле и судьбе -
Судьбе предустановленной и воле
Свободной, наконец, о безусловном
Провиденье, плутая на путях
К разгадке, обсуждению они
Подвергли всестороннему: добро,
И зло, блаженство счастья и страданье
Конечное, бесстрастие и страсть,
Позор и славу, праздных дум тщета
И мудрость ложная! но так могли
Тоску и страх заковать на краткий час
Волшебным красноречьем, пробудить
Напрасные надежды и сердца
Тройной броней терпения облечь.
Еще другие, крупными сойдясь
Отрядами, отважились разведать
Зловещий этот мир, дабы найти
Убежище помягче, и летят
Вдоль русел четырех Аидских рек,
Что в озеро пекучее несут
Погибельные струи: Стикс река

Вражды смертельной, скорбный Ахерон,
Глубокий, черный, далее Коцит,
Наименованный за горький плач,
Не молкнувший у покаянных вод
Его унылых, наконец, поток
Неистово кипящего огня,
Свирепый Флегетон. Вдали от них
Беззвучно и медлительно скользит
Река забвенья Лета, развернув
Свой влажный лабиринт. Кто изопьет
Ее воды забудет, кем он был
И кто он есть, забудет скорби все,
Страданья, радости и наслажденья.
За Летой простирается страна
Морозов лютых, - дикий, мгlistый край,
Терзаемый бичами вечных бурь
И вихрей градоносных, этот град,
Не тая, собирается в холмы
Огромные, - подобия руин
Каких-то древних зданий. Толща льда
И снега здесь бездонна, словно топь
Сербонская, меж Касием-горой
И Дамиатой, где уже не раз
Тонули армии, а воздух здесь
Пронизывает стужей до костей
И словно пламя жжет. В урочный срок
Когтями гарпий Фурии влекут
Приговоренных грешников сюда.
Виновные испытывают боль
Стократ сильнее от резких перемен:

Из пламени бросают их на льды,
Чтоб выстудить эфирное тепло,
И долго так лежат они, застыв,
Мучительно недвижные, пока
Окоченеют; и в огонь опять
Несчастных возвращают. Взад, вперед
Над Летой перебрасывают их,
Удвоив пытку тщетной маемой,
Стремлением хоть каплю зачерпнуть
Желанной влаги, что могла бы дать
Забвенью Адских мук. Они к воде
Припасть готовы, но преградой Рок;
Ужасная Медуза, из Горгон
Опаснейшая, охраняет брод,
Сама струя от смертных уст бежит,
Как некогда из жадных губ Тантала.
Отважные отряды смущены,
Растерянные, от страха побледнев,
С глазами остеклелыми, бредут
Напропалую, осознав теперь
Впервые безнадежный свой удел;
Им не нашлось убежища нигде.
Не мало мрачных, вымерших долин
Они прошли, не мало скорбных стран
Угрюмых миновать им довелось,
И огненных и ледовитых гор,
Теснин, утесов, топей и болот,
Озер, пещер, ущелий, и на всем
Тень смерти, целый мир, где только смерть
Владычествует, созданный Творцом
В проклятие, пригодный лишь для Зла;
Где живо мертвое, мертво живое,
Где чудищ отвратительных родит

Природа искаженная, одних
Уродов мерзких, даже страх людской
Таких не мог измыслить, в сказках нет
Подобной жуткой нежити: Химер
Подобных, Горгон и гнусных Гидр.
Тем часом быстрокрылый Сатана,
Враг Бога и людей, отважный план
Осуществляя, направлял к вратам
Геенны одинокий свой полет.
Порою влево он летел, порой
Направо, то крылами мерил глубь
Провала, то взмывал под самый свод
Палящий. Так, сдается, что вдали,
Над морем, в тучах, корабли парят,
Когда их равноденственный муссон
Уносит от Бенгальских берегов
Иль островов Терната и Тидора,
Откуда пряности везут купцы
И, море Эфиопское пройдя,
На Кап кормила держат, Южный Крест
Им правильный указывает путь.
Так выглядел парящий Архивраг
Издалика. Он, под конец, достиг
Предела свода страшного, пред ним
Граница Ада, накрепко ее
Хранят девятистворные Врата:
Три ртвора из железа, три из меди,
И три из адаманта. Впереди,
По обе стороны, два существа,
Два чудища огромные, одно
До пояса прекрасная жена,
От пояса же книзу как змея,
Чье жало точит смертоносный яд,
Извивы омерзительных колец,
Громадных, грузных, в скользкой чешуе.
Вкруг чресел скачет свора адских псов;
Их пасти Церберские широко
Разинуты, невыносимый лай
Терзает слух. Но если псов спугнуть,
Они в утробу чудища ползут
И в чреве скрывшись, продолжают выть,
И лаять, и пронзительно визжать.
Не столь ужасные терзали Сциллу,
Купающуюся в морских волнах,
Меж Калабрийских берегов и скал
Тринакрии рычащих, и не столь
Свирепа свита, мчащаяся вслед
Ночной колдунье, что, почуя зов
Таинственный, по воздуху летит
На запах крови детской, в хоровод
Лапландских ведьм, принудивших Луну
Усталую померкнуть силой чар.
Второе существо, когда назвать
Возможно так бесформенное нечто,
Тенеподобный призрак, ни лица,
Ни членов у него не различить;
Он глубочайшей ночи был черней,
Как десять фурий злобен, словно Ад,
Неумолим и мощно потрясал
Огромным, устрашающим копьем,
То, что ему служило головой,
Украшено подобием венца
Монаршего. Навстречу Сатане,
Что той порою ближе подошел,

Вскочив мгновенно, грозные шаги
Направил призрак с той же быстротой,
Ад содрогается под гнетом стоп
Тяжелых, но, виденье разгадать
Желая, изумленный Архивраг
Чудовище бесстрашно созерцал,
Пред Богом он и Сыном лишь склонялся,
Созданий сотворенных не боясь.
На яростного демона взглянув
Презрительно, он первым начал речь:
"Кто ты, проклятый призрак, и откуда?
Зловещий, темный, как ты смеешь мне
Обличием уродским преграждать
К вратам дорогу? Я сквозь них пройду,
Не спрашивая дозволения. Прочь!
Иначе ты заплатишь за твое
Безумие, на опыте узнав,
Исчадь Ада, как вступить в борьбу
С Небесным Духом!" Демон закричал
В ответ: "Предатель Ангел! Это ты
На Небе мир и верность преступил,
Досель ненарушимые, увлек
Своей гордыней Сил Небесных треть
К восстанью против Бога, и за то
И ты и совиновники навек
Осуждены в Геенне прозябать
В невыносимых муках и тоске.
И, обреченный Аду, ты дерзнул,
Себя причислив к Ангелам, хулы
В моих владеньях нагло изрыгать
И мне грозить? Узнай, что здесь

я царь,

Твой царь и господин. Ступай туда,
Где ты обязан кару отбывать,
Презренный, беглый лжец, и трепещи,
Чтоб я не приускорил твой полет
Возвратный скорпионовым бичом,
Не причинил неведомую боль
Одним ударом этого копья
И в небывалый ужас не поверг!"
Так молвил жуткий призрак, становясь
Гнусней десятикратно и страшней
По мере возглашения угроз.
Не дрогнув, Сатана пред ним стоял,
Пылая возмущеньем, он был схож
С кометой, озарившей небосвод
Арктический, в созвездье Змееносца,
На землю стряхивающей чуму
И войны со своих зловещих косм.
Соперники стремятся поразить
Друг друга в голову, закончив бой
Одним ударом и глядят в упор,
Кипя от ярости, подобно двум,
Тяжелой артиллерией небесной
Вооруженным, тучам, что висят,
Недвижные, над Каспием, пока
К воздушной стычке их не подстрекнет
Сигналом трубным ветер. Таковы
Гиганты мощные. Ад помрачнел
От их бровей нахмуренных. Враги
По силе и неистовству равны.
В единой схватке сходятся бойцы
Подобные, но каждому из них
Еще однажды схватка предстоит

С таким же всемогущим, но иным
Противником. Вот-вот произойдет
Событие неслыханное! Ад
Поколебался бы из края в край,
Но полуженщина, полузмея,
Что ключ от врат хранила роковой,
Рванулась между ними, возопив:
"Зачем, отец, десницу ты занес
На собственного сына? Что за гнев
Тебя, о сын, безумно побудил
Избрать мишенью голову отца
Для дрота смертоносного? Кому
Покорствуешь? Тому, кто с вышины
Смеется над готовностью раба,
Под видом правосудья исполнять
Веления свирепости Его,
Которая погубит вас двоих!"

Чума Геенны Призрак, воплю вняв,
Застыл, а Сатана в ответ сказал:
"Так странен возглас твой, значенье слов
Столь непонятно, что моя рука,
Не любящая медлить, замерла,
Тебе я мог бы делом доказать
Ее могущество, но я хочу
Узнать сначала: что за существо
Ты, двойственное диво? Почему,
Впервые повстречавшаяся мне
В долине Адской, ты меня зовешь
Отцом, а эту демонскую тень
Мне в сыновья навязываешь? Я
Тебя не знаю. Не видал досель
Уродов, мерзостней обоих вас!"
Привратница Геенны возразила:
"Ты разве позабыл меня? Кажусь
Я нынче отвратительной тебе?
А ведь прекрасной ты меня считал,
Когда в кругу сообщников твоих,
Мятежных Серафимов, взор померк
Внезапно твой, мучительная боль
Тебя пронзила, ты лишился чувств,
И пламенем объятое чело,
Свет излучая, слева широко
Разверзлось, и подобная отцу
Обличьем и сияньем, из главы
Твоей, блистая дивной красотой
Небесною, во всем вооруженье,
Возникла я богиней. Изумясь,
В испуге отвернулась от меня
Спервоначалу Ангельская рать
И нарекла мне имя: Грех, сочтя
Зловещим знаменьем; потом привыкли:
Я им пришлась по нраву и смогла
Прельстить враждебнейших; ты чаще всех
Заглядывался на меня, признав
Своим подобьем верным и горя
Желаньем страстным, втайне разделил
Со мною наслаждения любви.
Я зачала и ощутила плод
Растущий в чреве. Между тем война
На Небе вспыхнула, преобразив
Долины благодатные в поля
Побоищ. Победил Всесильный наш
Противник (разве мыслим был исход

Иной?), мы поражение понесли
Во всем пространстве Эмпирея. Вниз,
В пучину тьмы, с Небесной вышины
Низвергли вас; я пала заодно.
Мне этот ключ вручили, приказав
Хранить сии Врата, дабы никто
Не мог отсюда выйти до поры,
Пока я их сама не отомкну.
Но, сидя на пороге, размышлять
Недолго одинокой мне пришлось:
В моей утробе оплодотворенной,
Разросшейся, почувствовала я
Мучительные корчи, боль потуг
Родильных; мерзкий плод, потомок твой,
Стремительно из чрева проложил
Кровавый путь наружу, сквозь нутро,
Меня палящей пыткой исказив
И ужасом от пояса до пят.
А он, мое отродье, лютый враг,
Едва покинув лоно, вмиг занес
Убийственный, неотвратимый дрот.
Я прочь бежала, восклицая: Смерть!
При этом слове страшном вздрогнул Ад,
И тяжким вздохом отозвался гул
По всем пещерам и ущельям: Смерть!
Я мчалась, он вослед (сдается мне:
Сильнее любострастьем распален,
Чем яростью), испуганную мать
Настиг, в объятья мощно заключив,
Познал насильно. Эти псы плоды
Преступного соития. Гляди!
Страшилища вокруг меня рычат
И лают непрерывно, каждый час
Должна их зачинать я и рождать
Себе на муку вечную, они,
Голодные, в мою утробу вновь
Вползают, завывая и грызут

Мое нутро, что пищей служит им;
Нажравшись, вырываются из чрева,
Наводят на меня безмерный страх,
Умышленно тревожа каждый миг,
И нет мне отдыха, покоя нет!
Но сын мой враг, проклятый призрак
Смерть

Сидит напротив, подстрекая псов,
Готовый, за отсутствием другой
Добычи, мать свою меня пожрать,
Когда б не ведал, что с моим концом
И он погибнет, горькой покажусь
На вкус, ведь стать могу я в срок любой
Убийственной отравой для него:
Так решено Судьбой. Но ты, отец,
Копья губительного берегись
И не надейся тщетно, что броня,
В эфире закаленная, тебя
Убережет. Губительный удар
Всех сокрушает, кроме Одного
Кто властвует в Небесной вышине".

Она умолкла. Хитрый Враг, смекнув
Значенье слов ее, умерил гнев
И нежно молвил: "Дорогая дочь,
Поскольку ты зовешь меня отцом

И предъявляешь сына моего
Прекрасного залог взаимных нег,
Которые с тобою в Небесах
Делили мы, печально вспоминать
О них, коль так ужасно мы с тобой
Переменялись. Прибыл к вам, поверь,
Не как противник, но как лучший друг,
Чтоб вызволить из мрачной бездны бед
Обоих вас и всех союзных Духов,
Сражавшихся в защиту наших прав
И вместе с нами сброшенных с высот.
От них я послан. Жертвуя собой
Для блага общего, предпринял сам
Служенье трудное, один как перст,
Я странствую в бездонной глубине,
Чтоб отыскать среди пустых пространств
Неизмеримых некий новый мир,
Предсказанный давно, и признак есть
Надежный, что уже он сотворен,
Обширный, круглый, благостный; преддверье
Небес, вместителище утех, приют
Каких-то новосозданных существ,
Быть может предназначенных занять
На Небе место наше, впрочем, Он
Их отдалил, боясь, что возрастет
Избыток населенья и впясть
В Его владеньях разразится бунт.
Разведав: так ли это иль не так,
Не утаен ли замысел иной
Царем Небес? я тотчас возвращусь,
Тебя и Смерть перенесу туда,
Где вы привольно будете порхать
Невидимые, на немых крылах,
В душистом воздухе, где пища вам
Без меры уготована, где вс?
Добычей вашей станет!" Сатана
Умолк. Чудовища восхищены
Его словами. Смерти страшный лик
Ухмылкой злой довольство оказал
Грядущим пиром и благословил
Прожорливое чрево, что теперь
Обильной снедью голод утолит,
А гнусной тени мерзостная мать,
Не менее ликуя, своему
Родителю сказала: "Я храню
От Преисподней заповедный ключ
По праву и велению Царя
Всемощного. Он приказал вовек
Врат алмазных не отпирать,
А против силы - наготове Смерть
С копьем, которому противостать
Не властно никакое существо.
Но разве я обязана служить
Питающему ненависть ко мне,
Тому, кто в Тартар, в беспросветный мрак
Низверг, чтоб здесь повинность я несла
Подлейшую из подлых? Дочь Небес
И Небожительница, я терпеть
Обречена страдания и страх
От собственных исчадий, что рычат,
И воют, и нутро мое грызут?
Ты мой отец, ты мой родитель, ты
Жизнеподатель мой. Кому еще
Повиноваться мне? Кому должна

Последовать? Меня ты унесешь
В тот лучезарный, в тот счастливый мир,
К богам блаженствующим, где всегда,
С тобою рядом, справа от тебя,
Как дочь и как любимица твоя,
Истомой сладострастною дыша,
Царить я буду!" Замолчав, она
Ключ роковой, орудье наших зол
И бед, сняла с бедра, и скользкий хвост
Влача звериный, поползла к Вратам
Мгновенно, и решетчатый заслон
Вверх подняла, который без нее
Стигийским силам вкупе не сместить,
Ключ повернула в скважине замка,
Пружины сложные освободив,
А с ними - все болты и рычаги
Из прочного железа и базальта
Массивного, и створы, скрежеща
На верях и петлями визжа,
Внезапно распахнулись, гром и лязг
До основания потрясли Эреб.
Она их отомкнула, но замкнуть
Уже не властна. Ныне широко
Врата отворены, могла бы рать
Огромная, свободным, вольным строем,
Знамена боевые развернув,
С растянутыми флангами войти
В проем, - с повозками и лошадьми.
Теперь от туда, словно из жерла
Плавильни, бил клубами черный дым
И пламя рдяное. Глазам троих,
Стоящих на пороге Адских Врат,
Предстали тайны пропасти седой:
Безвидный, необъятный океан
Тьмы самобытной, где пространства нет,
Ни ширины, длины и высоты,
Ни времени, где пращурь Природы,
Ночь древняя и Хаос, в шуме битв
Немолчных безначалие блюдут
Исконное, сумятицу, нелад
И существуют лишь благодаря
Отсутствию порядка. Вечный спор
Здесь четверо соперников борцов
Заядлых: Сухость, Влажность, Холод, Жар,
О первенстве ведут и гонят в бой
Зачатки атомы, что под гербы
Различных кланов строятся, легко
Вооруженные и тяжело,
Проворны и медлительны, остры
И гладки, неисчетны, как пески
Бесплодных почв Кирены или Барки,
Вздымаемые стычкой вихревой,
Чтоб ветров невесомые крыла
Отяготить, и верх берет на миг
Та сторона, где атомы в числе
Чуть большем накопятся, а судья
Их распрей Хаос, как бы ни решал,
Лишь умножает смуту, что ему
Опорой служит, правит рядом с ним
Арбитр верховный Случай. На краю
Пучины дикой, зыбки, а быть может
Могилы Мирозданья, где огня
И воздуха, материков, морей,
В помине даже нет, но все они

В правеществе зачаточно кишат,
Смешившись и воюя меж собой,
Пока. Творец Всевластный не велит
Им новые миры образовать,
У этой бездны осторожный Враг,
С порога Ада созерцая даль,
Обмысливал свой предстоящий путь:
Ведь не пролив же узкий переплыть
Ему придется! Нестерпимый шум
Губительный ошеломлял его,
Подобный (если малое сравнить
С большим возможно) рыку батарей
Осадных гаубиц, когда Беллона
Обширный город обращает в прах,
И если б даже рухнул небосвод
И элементы вздыбленные шар
Земной сорвали бы с его оси,
Возникший грохот не был бы сильнее
Того, что слух Врага теперь терзал.
Вот наконец он, крылья распустив
Подобно корабельным парусам,
От почвы оттолкнулся и взлетел
С клубами чадными, и много лиг
Преодолея отважно, оседлав
Летучий дым, но вскорости клубы
Развеялись под ним и седока .
Оставили в бескрайной пустоте.
Напрасно он размахивал всю
Громадными крылами; как свинец
Сорвался в пропасть, падая стремглав,
И десять тысяч фатомов успел
Отмерить он и падал бы сейчас,
Когда бы, на беду, могучий взрыв
Из тучи, пронесившейся вблизи,
Насыщенной селитрой и огнем,
Опять скитальца ввысь на много миль
Не взвил; безумный вихрь затих, и он
Погрыз в трясине вязкой ни вода,
Ни суша. Через топкий этот край
С натугой путник двигался вперед,
Где лотом, где пешком, ему годны
Весло и парус. Так пересекал
Болота, горы и пустыни Гриф,
Преследуя упорно Аримаспов,
Что золото украли у него,
Хоть россыпи он зорко сторожил.
Подобно Грифу, стойкий Сатана
Одолевал болота и хребты,
Стремясь вперед сквозь множество стихий
Разреженных, и плотных, и густых,
И твердых, пробивался головой,
Руками, крыльями, ногами, он
Летел, нырял, пускался вплавь и полз.
Вдруг бесконечно дикий, зычный вопль
Он услышал: нестройных криков гул,
Смешенье смутных звуков, и туда
Бесстрашно повернул, дабы взглянуть:
Какие сонмы Духов или Сил
Здесь, в глубочайшей пропасти, царят
Средь шума этого, и разузнать
Надежный путь из тьмы к пределам света.
Внезапно перед ним престол возник
Владыки Хаоса, его шатер
Угрюмый над провалами глубин

Раскинут широко, второй престол
Ночь занимает, с головы до пят
Окутанная темной пеленой,
Наидревнейшая изо всего,
Что существует, рядом с ними Орк,
Аид и Демогоргон, чье нельзя
Прозванье грозное произносить,
А там Смятенье, Случай и Молва,
Раздор тысячеустый и Мятеж
Вопят, кричат и спорят вразнобой.
К ним обратился храбро Сатана:
"Вы, Духи или Силы, Нижней Бездной
Исконно правящие: Хаос, ты,
И ты, несозданная Ночь! Пришел
Не как лазутчик, тайны распознать
Владений ваших, и не свергнуть вас,
Негаданно в пустынный здешний край
Забрел я, ибо к свету верный путь
По вашей мрачной области пролег.
Я в одиночку, без проводника,
Во мгле плутаю, не могу найти
Рубеж, где ваше царство темноты
Граничит с Небом. Там, невдалеке,
Возможно, есть места, не столь давно
Отобранные Деспотом у вас.
Туда стремлюсь я, укажите мне
Дорогу, вас сторицей награжу,
И если мне Захватчика изгнать
Удастся из отторгнутой страны,
Ее верну в первоначальный мрак,
Под вашу руку (в этом цель моя),
И знамя древней Ночи водворю.
Вся прибыль вам, себе оставлю месть!"
Анарх старик с изменчивым лицом,
Забормотал: "Ты мне знаком, чужак,
Ты Ангелов могучий верховод,
Восставший на Властителя Небес
И побежденный. Да, я видел все
И слышал. Многочисленная рать
Подобная беззвучно не могла
Сквозь бездну потрясенную лететь,
Обрушиваясь, падая стремглав,
А мириады яростных полков
Из распахнувшихся Небесных Врат
Победоносно хлынули вослед,
Преследуя повстанцев по пятам.
Здесь, на границе царства моего,
Я восседаю, силясь уберечь
Ту малость, что еще подвластна мне,
Но распри ваши даже ей грозят.
Держава древней Ночи из-за них
Ущерблена: сперва отторгнут был
Обширный Ад, чтоб вам тюрьму создать.
Теперь Земля и Небо новый мир,
Подвешены на золотой цепи,
Над нашими владениями, там,
Где легионы рушились твои.
И знай, коль ты намерился туда:
Опасен путь, хотя и не далек.
Ступай, спеш! Разруха и разор,
Бесчинство и крушение любви мне!"

Не тратя ни мгновенья на ответ
И радуясь тому, что берег моря

Его скитаний близок, Сатана
Со свежей силой взмыл одним рывком,
Как пирамида пламени, в простор
Пустынного пространства, проложив
Дорогу средь враждующих стихии,
Кишевших вокруг него. Не претерпел
Такие беды Арго, между скал
Смыкающихся проходя Босфор;
Не худшим испытаниям Улисс
Подвергся, левым бортом обогнув
Харибду, чтоб кормило повернуть
К соседней водоверти. Но вперед,
С трудом, упорно Сатана летел,
Одoleвал упорно и с трудом
Препятствия, когда их перевозмог,
И с помощью его произошло
Паденье Человека, страшный путь
Преобразился дивно: Грех и Смерть,
Вослед, с произволения Небес,
Над бездною широкую стезю
Немедля проторили. Клокоча,
Пучина терпеливо сносит мост
Длины безмерной: от Гееннских недр
До рубежей вновь созданного мира,
По той тропе шныряют Духи Зла
Вперед, назад, чтоб соблазнять людей
И их карать нещадно, исключив
Хранимых благосклонностью Творца
И добрых Ангелов от искушенья.
Но вот свое влиянье проявил
Блаженный свет, забрезжив от зубцов
Небесных башен, отблеск заревой
Проник в глубины хмурой Ночи. Здесь
Природа зачинается уже,
Отсюда Хаос, как разбитый враг,
Поспешно отступает; он притих,
И глуше бранный гул его звучит.
Все меньшие усилья Сатане
Потребны для полета, он теперь,
В мерцанье сумерек, совсем легко
Скользит по успокоенным волнам.
Так радостно заходит в порт корабль,
Рангоут потеряв и такелаж,
В борьбе со штормом. Крылья распластав
Широкие, в разреженной среде,
Почти воздушной, - видит Сатана
Просторы эмпирейские Небес,
Квадратных или круглых не понять,
Столь широки они. Пред ним опал
Высоких башен, блещущий сапфир
Зубчатых стен его былой отчизны,
И рядом - мир повис на золотой
Цепи, подобный крохотной звезде
В сравнении с Луной. Лелея месть
Неутолимую, проклятый Дух
Торопится туда в проклятый час.